

Марк Гуллик

Хантингтон 25 лет спустя: Столкновение цивилизаций

Оригинал: Mark Gullick. Huntington at 25: The Clash of Civilizations

Источник: <https://counter-currents.com/2022/02/huntington-at-25/>

Перевод с английского, 2022 г. На русском языке публикуется впервые!

Профессор Сэмюэл Филлипс Хантингтон (1927-2008)

Упадок Запада все еще находится в первой медленной фазе, но в какой-то момент он может резко ускориться. – Сэмюэл Ф. Хантингтон, «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка»

В 1993 году ученый и стратег Белого дома Сэмюэл Ф. Хантингтон написал статью для американского геополитического журнала *Foreign Affairs* под названием «Столкновение цивилизаций?» Три года спустя Хантингтон отказался от «обычно игнорируемого вопросительного знака» и расширил свою работу до книги. (Да, я знаю, что этой книге уже 26 лет, а я назвал эту статью «Хантингтон 25 лет спустя», но я начал писать статью в прошлом году, к тому же мы живем в обществе постправды, в котором математическая точность считается расистской.)

Геополитика вряд ли является моей областью знаний, но эта книга привлекла внимание после 11 сентября, и я должным образом прочитал ее, в основном из-за ее прогнозов относительно ислама. Хантингтон, очевидно, не предсказал теракты 11 сентября, но спустя два десятилетия можно оценить, что он предсказал, и в чем, возможно, ошибся. Хантингтон писал «Столкновение цивилизаций» (далее «СЦ»), когда еще только оседала пыль после падения коммунизма, и основополагающий принцип книги заключается в том, что как только центральная глобальная битва идеологий ушла в прошлое, причинами будущих разногласий и конфликтов станут возрождение идентитарных цивилизаций и различия между культурами, определяя «культурную идентичность как то, что наиболее значимо для большинства людей».

В духе Шпенглера Хантингтон рассматривает цивилизации как циклические, и нет никаких сомнений в том, где мы были на его графике в 1996 году:

Сейчас господство Запада неоспоримо, и он останется номером один в плане могущества и влияния также и в двадцать первом веке. Однако постепенные, неотвратимые и фундаментальные перемены также имеют место в балансе власти между цивилизациями, и могущество Запада по сравнению с мощью других цивилизаций будет и дальше снижаться.

Отвергая тезис Фрэнсиса Фукуямы о конце истории, о том, что либеральная демократия будет жить долго и счастливо, Хантингтон прямо заявляет, что история не только продлится еще предостаточно долго, но она может быть не слишком приятной. Существует напряженность в отношении глобальной карты с точки зрения соотношений сил:

Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии (в которую было обращено лишь небольшое количество представителей других цивилизаций), но скорее превосходством в применении организованного насилия. Жители Запада часто забывают этот факт; жители не-Запада никогда этого не забудут.

После введения в идею цивилизации, культуры и импульса, обеспечиваемого их историческими сходствами и различиями, Хантингтон переходит к рассмотрению чего-то, что так явно витало в воздухе и четверть века спустя, создания всеобщей глобальной цивилизации – или даже принуждения к ней, и обозначения этой цивилизации как западной. Как поясняет Хантингтон, стремление незападных цивилизаций к модернизации носит прежде всего технологический и, следовательно, экономический характер; их не интересует вестернизация или западные системы ценностей. Как раз наоборот, как мы увидим.

Хантингтон отмечает эфемерные результаты смешения цивилизаций, и это не тот очаровательный новый южноамериканский ресторан на вашей улице:

Где-то на Ближнем Востоке полдюжины молодых людей вполне могли быть одеты в джинсы, пить кока-колу, слушать рэп и между поклонами в сторону Мекки собирать бомбу, чтобы взорвать американский авиалайнер.

Это поднимает вопрос о том, желательно ли смешение цивилизаций. Если культура является талисманом цивилизации, то что получится из культуры двух смешанных цивилизаций? В приведенном выше примере Хантингтона вы получаете худшее из обоих миров. Более серьезно, если одна из смешанных культур ослабевает, то другая становится доминирующей. Это, конечно, как раз то положение, в котором мы начинаем находиться, особенно в Европе, где элиты пытаются оседлать исламского тигра. Целые этнические культуры подвергаются опасности, чтобы уступить место не обязательно одной доминирующей глобальной культуре, такой как ислам, а культуре, созданной элитами для гомогенизации глобального поведения; некой искусственно сконструированной цивилизации, а не старой, органической модели. Хотя Хантингтон не останавливается на этом, он цитирует Рональда Дора, который «приводит впечатляющие доводы в пользу появления глобальной интеллектуальной культуры среди дипломатов и государственных чиновников». Монокультуризм не для национальных государств, а для самоизбранных глобальных командиров. Если рассматривать это в настоящем, можно утверждать, что усиление элитарных клик, таких как Всемирный экономический форум, стало возможным благодаря ослаблению отдельных западных культур и цивилизаций.

Всемирный экономический форум может не совсем соответствовать шаблону Дора, но те, кого мы стали называть «глобальными элитами», сделали приоритетом разрушение культуры отдельных наций на Западе, и это не что иное, как атака на идентичность. Хантингтон подчеркивает важность идентичности, и тот факт, что «СЦ» вызвало бурную реакцию со стороны других ученых, может быть объяснен тем фактом, что Хантингтон был мудр в отношении возникновения и укрепления идентитаристских идей, сначала у левых, а теперь задним числом у правых диссидентов. Левые одобряют защиту всех отдельных идентичностей, кроме, конечно, идентичности белого человека.

Притяжение цивилизации и принадлежность к поддающейся определению культуре усилились за последнее столетие, и Хантингтон указывает на решающий момент, после которого контроль Запада над ключевым элементом глобальной политики – распределением территориального суверенитета – ослаб. Хантингтон пишет:

В 1919 году Вудро Вильсон, Ллойд Джордж и Жорж Клемансо фактически правили миром. Сидя в Париже, они определяли, какие страны останутся существовать, а какие – нет, какие новые страны будут созданы, какие у них будут

границы, и кто будет править ими, а также как Ближний Восток и другие части мира будут разделены между державами-победительницами. Они также принимали решения о военной интервенции в Россию и об отзыве экономической концессии из Китая. Сто лет спустя ни одна маленькая группа политиков не сможет обладать сопоставимой властью; и если какая-либо группа и может сравниться с ними, то она будет состоять уже не их трёх представителей Запада, а из лидеров стержневых стран семи или восьми основных цивилизаций мира.

Эти избранные цивилизации составляют основу, вокруг которой Хантингтон строит свою теорию. Это китайцы, японцы, православные, мусульмане, западники, африканцы из стран южнее Сахары, латиноамериканцы и индусы.

У некоторых из этих культур есть «стержневое государство», например, США для Запада и Китай для китайского мира, а у некоторых нет, например, у ислама и Латинской Америки. Но то, что есть у них всех, – это общая культурная идентичность, то, что в настоящее время используется в качестве ставок в глобалистской игре.

Сэмюэл Хантингтон – не тот писатель, которого «мы» естественным образом поставили бы на «нашу сторону», но Гийом Фай является таковым, и «Столкновение цивилизаций» на самом деле неплохо дополняет «Конвергенцию катастроф» Фая. Фай цитирует Хантингтона и даже называет вторую главу своей книги «На пути к столкновению цивилизаций».

Фай видит слабость Запада в идентитарных понятиях, ибо идентарианство имеет своей главной опорной стеной тот факт, что идентитаристы должны бороться, чтобы защитить свою культурную идентичность. Европа и четыре основные цивилизации, выбранные Хантингтоном, отличаются, по мнению Фая, одним важным аспектом:

Индия, Китай, Черная Африка, мусульманский мир, будь то арабский или тюркский, и так далее, утверждают свою идентичность и не терпят ни колонизирующей иммиграции, ни культурного смешения на своей земле. Только европейские псевдоэлиты защищают догму «мультикультурного мира», которая является химерой.

И если основная иммиграционная проблема Америки – латиноамериканцы, то прибывающие в Европу чужаки – мусульмане. Это все приемлемая «реконкиста», пока белые уступают свою землю.

Хантингтон считает мусульманскую миграцию проблемой только в ближайшем будущем (в 1996 году), но, возможно, ему потребовалось бы внимательно прочитать «Стан избранных» Жана Распая, чтобы понять, насколько серьезными станут демографические переселения:

Давление населения в сочетании с экономической стагнацией способствует миграции мусульман в западные и другие немусульманские общества, делая иммиграцию проблемой в этих обществах.

Однако Хантингтон считает переселение мусульман тенденцией, которой придет конец:

Исламское возрождение утихнет и исчезнет в истории. Это, скорее всего, произойдет, когда демографический импульс, питающий его, ослабнет во втором и третьем десятилетиях двадцать первого века.

Это утверждение, к сожалению, не принимает во внимание, что демографический двигатель больше не находится исключительно в арабском мире, а находится в процессе перемещения – импорта – в Европу, которая все еще находится на пути к тому, чтобы стать Еврабией Бат Йеор. Это просто вопрос «когда». Как пишет Хантингтон, «если демография – это судьба, то движение населения – двигатель истории».

После истории цивилизации и цивилизаций Хантингтон посвящает разделы «СЦ» балансу, зарождающемуся порядку и неизбежным будущим столкновениям между цивилизациями. Его различные точки зрения на возвращение или продолжающуюся приверженность культурной идентичности, выраженной в виде цивилизации, представляют собой кинетическую картину, картину борьбы и изменения статуса. В главном присутствует постоянный подтекст: упадок Запада и, в частности, его «стержневого государства» – США.

В заключительном разделе «Будущее цивилизаций» Хантингтон обращается к стрессовому перелому на Западе, который оказался гораздо более серьезным – особенно для США – для доверия Запада. «Американцы не могут избежать этой проблемы, – пишет он. «Являемся ли мы западным народом или кем-то другим?» Главная цивилизационная проблема Америки заключается не в угрозе со стороны других цивилизаций, а в том, что она находится в состоянии войны с самой собой.

Китай и Россия, похоже, скорее озадачены нынешними культурными, политическими и метаполитическими внутренними противоречиями Америки, которые все вызваны ею самой. Цивилизациями, перегоняющие Америку, вполне могут быть те, кто прославляет свою собственную культуру, а не очерняет и демонизирует ее. Когда репортер *Russia Today* спросил Владимира Путина, что он думает об отмене культуры, гендерных проблемах и Джоан Роулинг, российский президент выглядел озадаченным и тихо сказал: «Если кто-то думает, что женщины и мужчины – одно и то же, то как им будет угодно. Но есть здравый смысл... Я придерживаюсь традиционного подхода».

В одном предложении предполагаемый вражеский лидер сделал то, чего не могут сделать западные левые: пригласил кого-то, кто не согласен с ним по поводу пола, «быть моим гостем» – как им угодно. Россия не дом для ЛГБТК и всего остального «пробужденного» прогрессивного карнавала. И Африка, и азиатский субконтинент, и Латинская Америка, и Китай, кстати, тоже не являются для них домом. Особенно Китай.

Китай и Россия – пакт между которыми должен искренне пугать американцев любого толка – считают, что самодемонстрация США льстит их глобальному значению и поощряет его. Америка позиционирует себя как культурный стержень Запада, и, упомянув Фая, мы должны напомнить себе, что этот француз был настроен крайне антиамерикански и являлся противником «американизации». Но если стержень прогнил, если центр не может устоять, то следующими в очереди ждут Китай, Россия и Индия, и, как указывает Хантингтон, некоторые нации движутся вместе с историей, приспособившись к меняющемуся территориальному центру тяжести. Хантингтон также напоминает нам о китайских ценностях – укоренившихся, как черты лица, – о бережливости, трудолюбии, семье. Все они подвергаются постоянным и преднамеренным атакам на всем Западе. Консерваторы всегда должны помнить, насколько консервативными были и остаются другие цивилизации.

И если центром притяжения станет Китай, это будет победа, одержанная отчасти благодаря его нежеланию отказаться от своего прошлого и своей этнической культуры, а отчасти и потому, что его главный противник попал в руки заклятых врагов Америки. К сожалению, они там живут. Китай считает, что имеет право на мировое господство, потому что полагает, что заслуживает его, и что у него достаточно уверенности, чтобы представлять свой народ. Хантингтон пишет:

Китайское правительство рассматривает материковый Китай как стержневую страну своей цивилизации, на которую следует ориентироваться все остальным китайским сообществам. Давным-давно отказавшись от идеи отстаивания своих интересов через местные коммунистические партии, правительство пытается «представить себя как всемирного носителя китайской идеи».

Стоит отметить, что Коммунистической партии Китая сегодня нет необходимости обращаться к американским коммунистическим партиям, учитывая, что США и сами прекрасно справляются с построением коммунизма. От предвыборного партийного митинга до школьного совета, от окружного прокурора до директора школы, китайские интересы – как и коммунизм в целом – продвигаются по всей Америке, как и в Европе, Великобритании и странах Британского Содружества.

Интересно сравнить точку зрения Хантингтона на китайскую самооценку и конечные цели китайцев с недавно рассекреченным отчетом Пентагона от 2013 года, в котором показано отношение правительства Обамы к Великому Дракону:

Китай считает себя центром вселенной, все остальные же являются низшими, с разной степенью неполноценности. Это непривлекательная модель для завоевания союзников и влияния.

Посмотрим, кто прав, Хантингтон или Пентагон. Две вещи, однако, очевидны: когда ваш величайший соперник на пути к тому, чтобы стать «центром вселенной», уничтожает сам себя, вы все равно обретете союзников и влияние, несмотря на ваш внешний образ расового превосходства. На самом деле – и это второй момент – если для американцев расизм это ошибка, то для Китая – особенность. Из того же доклада Пентагона администрации Обамы – между прочим, озаглавленного «Стратегические последствия китайского расизма: стратегическая асимметрия для Соединенных Штатов»: «Запад противостоял расизму и развил сильную культуру антирасизма. Китай этого не делал и вряд ли сделает».

Китайцы не только отвергают новый «пробудившийся» «прогрессивный» либерализм, который Запад пытается навязать им, но и открыто высмеивают его. Китайский термин *baizuo* («байцзо»), по-видимому, переводится как «белые левые». По словам китайской писательницы Ченьчень Чжан: «*Baizuo* обычно используется для описания тех, кто «заботится только о ... иммиграции, меньшинствах, ЛГБТ и окружающей среде»... лицемерных гуманитариев, выступающих за мир и равенство только для того, чтобы «удовлетворить собственное чувство морального превосходства»; они «одержимы политкорректностью» до такой степени, что «терпят отсталые исламские ценности ради мультикультурализма»; они верят в государство всеобщего благосостояния, которое «приносит пользу только бездельникам и халявщикам»; это «невежественные и высокомерные западники», которые «жалуют остальной мир и думают, что они спасители».

История решит, какие цивилизации будут процветать: те, кто прославляет свою историю, культуру и самобытность, или те, кто их презирает.

«Столкновение цивилизаций» стоит вашего времени. Это книга о недавней истории, которую вы можете рассмотреть в увеличенном масштабе, чтобы увидеть подробности мира после Холодной войны, когда нации боролись за свои новые позиции четверть века назад, или же уменьшить масштаб, чтобы увидеть панораму, которая предполагает, что этническая культура – и, следовательно, необходимый груз генетических вопросов, которых Хантингтон избегает, – это гораздо более сплоченная, цельная, привлекательная сила, чем рассчитывали идеологи вроде тех, что были в Брюсселе. В конце концов, такие

книги всегда будут частью футурологии, а футурология делает ставку. В сегодняшних информационных войнах мы все находимся на треке ипподрома, пытаюсь выбрать лошадь, звук которой нам нравится.

Тезис Хантингтона состоит в том, что окончание «Холодной войны» было началом другого типа конфликта, и так это, безусловно, и было. Хотя это был конфликт, в котором культурные ценности используются как оружие, которое одна цивилизация может использовать против другой, а ведущая цивилизация против самой себя. Конечно, никто не мог бы с большой точностью предсказать события последней четверти века, но Хантингтон добыл кладезь информации со множеством богатых пластов. Возможно, хаос – это единственное, в чем мы можем быть уверены, даже если именно лидеры Запада желают, чтобы этот хаос обрушился на всех нас. Хантингтон говорит о «парадигме мировых отношений 'чистого хаоса'», в которой мы увидим «глобальный развал правопорядка, несостоявшиеся государства и усиление анархии во многих частях мира, глобальную волну преступности, транснациональные мафии и наркокартели, рост наркомании во многих обществах, общее ослабление семьи, падение доверия и социальной солидарности во многих странах, этническое, религиозное и цивилизационное насилие и правление с применением оружия, распространенное в большей части мира».

И это может только ускориться. Фай вторит мрачному прогнозу Хантингтона в «Конвергенции катастроф»:

Именно во времена Холодной войны история казалась неподвижной, застывшей. Теперь она возобновила движение вперед, быстрее, безумнее и неконтролируемое, чем когда-либо.

Библиотека Велесова Слобода, 2022 г.